

ФИЛОСОФИЯ | PHILOSOPHY

УДК 141.319.8

doi:10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.07

5.7.2.

Пределные времена: социально-антропологические тенденции современности в зеркале философии и искусства (опыт проблематизации)

Юрий Николаевич Фофин

Челябинская областная писательская организация

Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»,

Челябинск, Россия, fofin@list.ru

Аннотация. В конце XX и первые десятилетия XXI века человечество переживает множество кризисов, указывающих на неизбежность перехода в некое принципиально новое качественное состояние. Прежняя модель развития, кульминацией которой стала современная «техногенная цивилизация», уже исчерпала имеющийся потенциал и приближается к пределу своих возможностей. Актуальность данной работы обусловлена предельностью сложившихся форм современной цивилизации и заключается в попытке определения дальнейших эволюционных перспектив. Для этого необходим новый теоретический подход в сочетании с описательным и феноменологическим методами. Цель исследования: выработать вариант подобного обновления, основанный на сочетании потенциала социальной философии, философии науки и искусства. Основой методологии исследования выступил историко-генетический подход. В результате проведенного анализа определились две альтернативные социально-антропологические тенденции, вызревавшие в современной культуре на протяжении последних 100 лет. Первая является доминирующей и выражает инструментальную редукцию человека к средству. Вторая, акцентирующая универсализацию человека в качестве цели общественного развития, пока остается более слабой. В данном контексте перспектива радикального преобразования естества человека средствами науки представляется вполне осуществимой. Именно эту перспективу отстаивают сторонники трансгуманизма. Искусство же, напротив, убедительно демонстрирует предельный антигуманизм их позиции. Научная новизна работы заключается в выработке теоретической модели дальнейшего развития естественно сложившегося образа человека в совокупности с достижениями современной цивилизации. Практическое значение состоит в выявлении основных предпосылок воплощения идеи «единой науки о человеке».

Ключевые слова: техногенная цивилизация, автономный индивид, научно-технический прогресс, трансгуманизм, дегуманизация, универсализация, человекообразность

Благодарности: автор выражает благодарность доктору философских наук Владимиру Александровичу Рыбину.

Для цитирования: Фофин Ю. Н. Пределные времена: социально-антропологические тенденции современности в зеркале философии и искусства (опыт проблематизации) // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 84–95. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.07.

Transient Times: Social and Anthropological Contemporary Trends Reflected in Philosophy and Arts (Experience of Setting Problems)

Yuri N. Fofin

Chelyabinsk Regional Writers' Organization of the All-Russian Public Organization "Union of Writers of Russia", Chelyabinsk, Russia, fofin@list.ru

Abstract. As the twentieth century drew to a close, and indeed throughout the first years of the twenty-first century, humanity experienced a series of crises that served to underscore the necessity of transitioning to a state of unprecedented quality. The preceding developmental pattern, which reached its zenith in the contemporary 'technogenic civilization', has already reached its limits in terms of available capacity and is approaching the boundaries of its opportunities. The relevance of this study results from the finiteness of the existing structures of modern civilization, and lies in an attempt to define upcoming development prospects. For these reasons, a new theoretical approach combined with descriptive and phenomenological methods is required. The objective of the study: to work out a variant of such renewal based on combination of resources from social philosophy, science philosophy and arts. Historic and genetic approach is a fundament for the main methodology of the research. As a result of this research, two alternative social and anthropologic tendencies that have been forming in modern culture during last 100 years are defined. The first one is dominant and it expresses instrumental reduction of a human to means. The second one emphasizes the unification of a human as a target of social development, and currently it remains a bit weaker. Within this context the prospect of radical transformation of human essence with scientific means is rather possible. The followers of transhumanism stand exactly for this prospect. Arts, vice versa, demonstrates absolute antihumanism of their position. The academic novelty of this work is in working out a theoretic model of further development characterized with accord between retaining naturally formed image of a human and achievements of modern civilization. The practical significance impact comes out in finding major premises of putting in practice the idea of 'unified human science'.

Keywords: technogenic civilization, autonomous individual, scientific and technological progress, transhumanism, dehumanization, universalization, human-sizedness

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Vladimir Alexandrovich Rybin, Doctor of Philosophy.

For citation: Fofin YuN. Transient Times: Social and Anthropological Contemporary Trends Reflected in Philosophy and Arts (Experience of Setting Problems). *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2025;13(1):84-95. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2025.13-1.07.

Введение

Сегодня, в первой трети XXI века, человечество столкнулось с многочисленными серьезными, во многом неожиданными трансформациями и историческими вызовами. При этом очевидно, что ни одна из сфер духовно-теоретической рефлексии не способна претендовать на ясное понимание складывающихся тенденций и перспектив. Европейская философская традиция, вплоть до самого последнего времени претендовавшая на подобное видение, в настоящее время представлена совокупностью слабо взаимодействующих школ и направлений, принадлежность которых к единой дисциплине поддерживается лишь общностью теоретического наследия и реализуется преимущественно в рамках истории философии. Наука, еще в конце прошлого века уверенно выступавшая в роли лидера «научно-технической революции», трансформировалась в «технонауку», запросы которой сведены к воплощению конкретных технических проектов, обслуживающих «реальную политику». Футурология, претендовавшая на научное предвидение будущего, утратила кредит доверия, поскольку даже в лице таких выдающихся своих представителей, как Дж. Гэлбрейт и Э. Тоффлер, не смогла предсказать крах социалистического блока.

С учетом создавшейся неопределенности целесообразно расширить спектр исследовательских подходов, нацеленных на определение специфики переживаемого нами сегодня исторического момента. Для этого целесообразно обогатить потенциал философии социально-гуманитарным материалом, прежде всего материалом искусства, которое способно не только отражать социальные проблемы раньше других сфер общественного сознания, но и раскрывать перспективы, весьма достоверно предсказывая будущее (см.: [Никольский 2014, с. 114]). Это убедительно подтверждается пророчествами и предвидениями в антиутопиях Е. И. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, К. Чапека, братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких, а также во многих произведениях других выдающихся литераторов и деятелей иных сфер искусства. Однако в этих работах недостаточно углублена тема преодоления кризисных тенденций, нечетко высвечена позитивная перспектива. Данный аспект предполагается восполнить в представленной статье. Обозначим существующий пробел в знаниях, который данное исследование заполняет.

Методологические предпосылки

Поскольку в социально-гуманитарных дисциплинах эксперимент в естественно-научном понимании практически не работает, ведущим методологическим приемом принято считать историко-генетический подход, представляющий собой, по сути, своеобразный аналог эксперимента, погруженный в реальное течение жизни. Однако в представленном исследовании этот подход реализуется в несколько усложненном виде по сравнению с обычно практикуемым простым выстраиванием хронологической последовательности, а именно: исторически представленные феномены планируется рассматривать в двух измерениях, как было рекомендовано П. Бергером и Т. Лукманом, которые предложили исследовать социальную реальность темпорально совмещенным способом – и в ее непосредственной данности «здесь-и-сейчас», и в более отдаленной перспективе – «в зависимости от степени пространственной и временной удаленности» [Бергер, Лукман 1995, с. 42]. Тем самым историко-генетический подход снабжается методологическим инструментарием из сферы описательного и феноменологического подходов. Последний в плане раскрытия глубинного содержания событий и явлений представлен в исторически ориентированном варианте.

Существует значительное количество литературы, рассматривающей и анализирующей современные кризисные тенденции и социальные трансформации; как следствие, сколько-нибудь полноценное перечисление соответствующих источников попросту невозможно, в качестве исходного пункта есть смысл использовать наиболее авторитетные, не вызывающие возражений суждения. Оптимальный вариант – взгляд на современность З. Баумана, крупнейшего социального теоретика конца XX – начала XXI века.

Феноменология современности

Согласно Бауману, главное изменение, произошедшее в начале XXI века, – невиданное прежде ускорение ритмов всех сфер жизни: научной, экономической, промышленной, социальной. Скорость обновления становится ведущим условием социального и индивидуального бытия. Современный человек больше не привязан к постоянному месту жительства, родному языку, профессии, определенным ценностям и представлениям. Отныне человек реализуется в скорости мышления, скорости перемещения и скорости самоизменения. «Остаться на бегу» – вот что Бауман называет «метасредством» современности [Бауман 2008, с. 81].

Источник этого ускорения – прогресс науки и непрерывное преобразование технологий, которые заставляют человека по самым разным параметрам приспосабливаться к темпу всех изменений, начиная с углубления специализации и смены профессий, необходимости постоянного переобучения, вплоть до расширения информационных контактов и увеличения функциональной нагрузки в бытовом отношении, не говоря

уже о стремительной трансформации самого социального фона. В подобной среде человек буквально оказывается в положении Ахиллеса, который никак не может догнать черепаху.

В физиологическом и психологическом смыслах переход к такому образу существования приводит к массовому «надлому» динамического стереотипа населения развитых стран, порождая эпидемию «болезней цивилизации», связанных с распространением соматических (сердечно-сосудистых и онкологических), а также психических патологий и снижением иммунитета человеческой популяции в целом: «Речь определенно идет не об относительном, а об абсолютном повышении смертности, причем не только от онкологии, но также от ишемической болезни сердца и суицидов, то есть о вымирании в полном смысле этого слова» [Рыбин 2023, с. 13].

Таким образом, складывается «цивилизационный парадокс»: «научно-технической прогресс», с которым еще в середине XX века, независимо от принадлежности к миру «реального социализма» или «рыночного капитализма», связывались надежды на скорое достижение лучшего будущего, превратился в угрозу самому существованию человечества. В чем истоки и каков механизм этого парадокса?

Для ответа на эти вопросы рассмотрим переживаемый нами исторический момент в более широком контексте.

Социум и человек в контексте «техногенной цивилизации»

По типу своего развития современный социум принято определять термином «техногенная цивилизация», поскольку здесь «решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций» [Стёпин 2001, с. 330]. Это западный, или европейский, тип развития, специфика которого заключается в опоре на науку, на техническое приращение ее достижений и скорейшее внедрение их в практику (см.: [Петров. Язык, знак, культура 1992, с. 93–95]). Истоки социальной динамики этого рода восходят к Ренессансу, основные предпосылки складываются в эпоху Просвещения, но сама по себе «техногенная цивилизация» начинает полноценно развиваться после Великой Французской революции, когда происходит распад традиционного общества с его сословно-общинным типом существования и на его обломках возникает новый социум, основным элементом которого становится автономный индивид, изолированный от прежней патриархальной целостности. Отныне «общество» и «индивид» становятся понятиями одного порядка, социальная значимость которых непрерывно изменяется на протяжении как минимум 200 лет (см.: [Шкарин 2022, с. 3–4]). Искусство как раз и отражает этот процесс. Выделим некоторые отмеченные искусством знаковые феномены, которые, на наш взгляд, наиболее важны для понимания обозначенных проблем.

Прежде всего это *специализация*, или в прежней, «советской» терминологии *разделение труда*: в новой системе социального воспроизводства автономный индивид превращается в узкого специалиста, профессиональная принадлежность которого задает его внутренние, психологические характеристики. Предельные проявления этого феномена искусство отражает как *маниакальность*, примером чего служит созданная в 1823 году французским художником Т. Жерико серия портретов пациентов клиники Сальпетриер. Он изображает людей, одержимых какой-то одной конкретной страстью (зависть, kleptomания, бред величия и т. д.), демонстрируя тем самым деградацию *специализированного* сознания.

Другая особенность – это *инструментальность*, или *механиченность*, способа существования нового индивида. Общеизвестны скрытые под человекоподобной личиной заводные автоматы из произведений Э. Т. А. Гофмана, но более интересны с этой точки зрения образы Э. А. По, поскольку сюжетная основа у него имеет не столько «магический», сколько «научный» характер. Так, в рассказе «Человек толпы» (1840) автор «выражает безнадежную изолированность людей в их частных интересах не через

различия в их действиях... а через неупорядоченное однообразие, будь то однообразие их одежды или их поведения. <...> Люди ведут себя у По так, словно они в состоянии выполнять только рефлекторные движения» [Беньямин 2015, с. 59–60].

И наконец, *танатологичность* устанавливающейся культуры, связанная с интересом к распаду и прорабатываемая в искусстве как *ориентация на деструктивность*. Наглядный пример: Ш. Бодлер в 1858 году пишет стихотворение «Падаль» и при этом делает акцент на разложении трупа, то есть на процессе распада сложной органической материи до простейших исходных веществ. В этом смысле «техногенная цивилизация» успешно производит деструкцию живого, чтобы создавать из него нечто неживое, например технику, однако не умеет осуществлять обратный процесс.

В сумме все эти особенности складываются в тот тренд, который принято определять термином *дегуманизация*, который с начала прошлого века активно используется в западном философском мышлении (А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет, В. Вейдле и мн. др.). При этом большинство теоретиков усматривает в «техногенной цивилизации» исключительно негативные тенденции. В то же время она содержит в себе тенденции иного рода, в плане прояснения которых особого интереса заслуживает философско-публицистический опус А. Блока «Крушение гуманизма» (1921) [Блок 1989].

Текущая современность и ее перспективы: образ Александра Блока

В этом сочинении поэт проявляет себя как выдающийся мыслитель, владеющий даром постигать диалектику исторического процесса и предсказывать будущее по крайней мере на 100 лет вперед. И здесь нет ничего удивительного: ведь мы и Блок – современники одной и той же эпохи, но мы проживаем ее завершение, тогда как Блок стоит у ее начала, максимально охватывая ее пространственные и временные масштабы. «Есть, – пишет Блок, – как бы два времени, два пространства; одно – историческое, календарное, другое – неисчислимое, музыкальное» [Блок 1989, с. 330]. Первое – это простая хронологическая последовательность событий, которая не открывает нам смысла происходящего. Второе, более важное, – это «дух музыки», сама история в ее глубинном содержании, которое воспринимается людьми как отзвуки неких отдаленных, но неотвратимых событий.

В самом деле, при чтении данного текста создается впечатление, что автор описывает реальность первых десятилетий XXI века: «Мы видим удивляющее нас богатство содержания, и при этом – отсутствие цельного, ясного понимания и взгляда... процесс движения вперед, но без всякой сознательной гармонии или какой бы то ни было определенной цели; основная черта современного общества состоит в его разрозненности, в отсутствии всякого прочного единства. Во всех слоях общества мы замечаем необыкновенную тревожность, какое-то болезненное волнение и искание чего-то» [Блок 1989, с. 325].

Причина такого общего неустройства, согласно Блоку, – завершение периода «гуманизма», когда жил и действовал человеческий тип, сформировавшийся в эпоху Возрождения и в полный голос заявивший о себе в ходе становления индустриальной цивилизации. Ставка на науку предопределила односторонность прогресса *культуры*, превратила ее в *цивилизацию*, сочетающую некоторое повышение материального уровня жизни со стремлением так или иначе сохранить прежнее, доставшееся от традиционной эпохи жесткое разделение общества на верхи и низы, на «привилегированные классы» и «варварскую массу», на элиту и народ. «Нет сомнения, – утверждает Блок, – что это разделение было заложено в самом основании гуманизма, в его индивидуальном духе... оно изначала подтачивало корни гуманистической культуры. Но именно теперь оно проявилось с особой силой и привело к кризису гуманизма» [Блок 1989, с. 332].

Подобное положение не может быть прочным, ибо «мир уже встал под знак нового движения, которое обладает признаками совершенно иными» [Блок 1989, с. 331] –

в движение приходят низовые, «народные», «варварские» слои общества, предъявляющие запрос на полноценное усвоение культуры. «Поэтому не парадоксально будет сказать, что варварские массы оказываются хранителями культуры, не владея ничем, кроме духа музыки, в те эпохи, когда обескрылевшая и отзвучавшая цивилизация становится врагом культуры, несмотря на то что в ее распоряжении находятся все факторы прогресса: наука, техника, право и т. д. Цивилизация умирает, зарождается новое движение, растущее из той же музыкальной стихии, и это движение отличается уже новыми чертами, оно не похоже на предыдущее» [Блок 1989, с. 339]. В этом процессе складывается новый человеческий тип: *человек-универсал* или, как выражается Блок, *человек-артист*.

Итак, еще 100 лет назад Александр Блок зафиксировал два закрепившихся в современной культуре антропологических образа: «человек культуры» (человек-универсал, человек-цель) и «человек цивилизации» (человек-специалист, человек-средство). Они олицетворяют собой две возможные тенденции дальнейшего исторического развития – линию *универсализации* человека и линию его *разуниверсализации*, или *дегуманизации*, и каждая включает в себя ряд адекватных им «методологических установок, по отдельности вполне адекватно отражающих специфику натурацентризма, социоцентризма и теоцентризма, осмысленных применительно к познанию человека как целостности» [Беляев 2011, с. 69]. В течение XX века эти линии упорно пытались уничтожить друг друга, но ни одна так и не победила.

Движение к пределу

Тем не менее о некотором определенном результате подобного 100-летнего противоборства можно говорить уверенно: линия редукции человека к средству, то есть линия *дегуманизации*, все это время усиливалась, воплощаясь в конкретных формах «техногенной цивилизации» [Marcos 2020, p. 272], тогда как линия *универсализации*, вполне определенно и четко осознаваясь как потребность и возможность, всё же отдалялась от реальности.

Поскольку научно-техническая революция середины XX века сделала потребительский образ жизни (следовательно, и образ человека) массовым (по крайней мере, для населения регионов-лидеров), то на фоне растущего при этом материального благополучия все антропологически деструктивные (дегуманизирующие) эффекты отошли на второй план. Стало невозможно осознать тот факт, что автоматизация и цифровизация, превращая человека в существо неконкурентноспособное по сравнению с автоматами в той технизирующейся среде, где он по-прежнему выполняет роль средства, закономерно, но скрытым образом приближают его к некоему губительному пределу. Подобная антропологически деструктивная тенденция не подлежит сомнению: если М. К. Петров, фиксируя в 60-х годах прошлого века окончательное преобразование естественно-природной среды существования человека в искусственно-техническую (то есть трансформацию «биоценоза» в «техноценоз» [Петров. Человек и наука 1992, с. 199]), отмечал, что «человек активно выталкивается из системы автоматизмов как самый закоренелый, изобретательный, неугомонный и неисправимый источник “шума”» [Там же, с. 207], то В. А. Кутырёв в первые десятилетия нашего века уже констатировал, что «прогресс переступает через человека, транс-форм(ир)уя его в “человеческий фактор”, “агентов”, “зомби” или просто в исходный материал для чего-то робототехнического» [Кутырёв 2018, с. 10].

Подобный переход прежней, *скрытой дегуманизации* в новое, явное состояние обусловлен, в первую очередь, прогрессом в сфере биологии и биомедицины, благодаря которому сегодня уже на наших глазах возникла возможность радикально перестроить человеческий организм, то есть переменить саму природу человека, перевести его в иное, нечеловеческое качество, а именно: определилась принципиально новая, невозможная прежде антропологическая ситуация, заявившая о себе феноменом *трансгуманизма* (см.: [Coyne, Hauskeller 2019, p. 301]).

Перестать быть человеком, или Наше постчеловеческое будущее

Сторонники *трансгуманизма* утверждают, что «человек не является последним звеном эволюции, он может совершенствоваться до бесконечности, радикально повышая свои умственные и физические возможности, ликвидируя старение и смерть. Для этого не надо бояться “перестать [быть] человеком”» [Кутырёв 2010, с. 267].

М. Н. Эпштейн убежден, что «на рубеже тысячелетий становится все яснее, что медленная эволюция разума в форме человека как биологического вида подходит к новому рубежу – этапу ускоренной эволюции в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга» [Эпштейн 2017, с. 50]. К. Шваб в сочинении «Четвертая промышленная революция» говорит о «биопринтинге» для имплантации органов, биохакинге, о вживлении в организм человека искусственных устройств и т. д., вплоть до «появления спроектированных младенцев, обладающих конкретными качествами или устойчивостью к определенным заболеваниям» [Шваб 2019, с. 44]. Отбрасывая все сомнения, авторы книги с характерным названием «Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа?» заявляют: «Трансгуманизм означает отказ от рабства физического монотонного труда, рабства консервативной морали, рабства неприемлемых социальных условий, навязываемых ценностей, стандартов и стереотипов, рабства болезни и смерти» [Турчин 2013, с. 240].

Между тем складывается тенденция, в русле которой тело человека как бы поглощается техническими артефактами, что, по выражению Ж. Бодрийяра, уподобляет этот процесс росту раковой опухоли, которая игнорирует законы организма в целом (см.: [Бодрийяр 2009, с. 44]).

Что будет в случае полной и окончательной реализации проекта трансгуманизма, наглядно и убедительно изображают братья А. Н. и Б. Н. Стругацкие в своей антиутопии «Улитка на склоне»¹.

Биотехнологическая модель настоящего и будущего

Вышеназванное произведение братьев Стругацких датировано 1965 годом. Для авторов ее содержание выступало моделью весьма отдаленного будущего, про которое, как они писали сами, «мы ничего не знаем. О котором мы можем только гадать, как правило, безосновательно, о котором у нас есть только отрывочные соображения, так легко распадающиеся под лупой сколько-нибудь пристального анализа» [Стругацкий 2003, с. 158]. Однако сегодня, через 60 лет, идеи и коллизии этого произведения выглядят пророческими.

Действие происходит на планете Пандора, в которой без труда угадывается Земля с ее текущими проблемами. Население планеты живет в Лесу и ведет примитивное существование на грани выживания, являясь, по сути, частью биоценоза. В общем, Лес – это образ современного человечества, две трети которого и по сей день продолжают существовать в условиях традиционного социума общинного типа.

В то же время не все ареалы планеты погружены в архаику, существуют и более продвинутые. Прежде всего это «Управление по делам Леса», которое ищет способы воздействия на эту живую систему, сознательно воздерживаясь от радикальных вмешательств либо не обладая возможностями для этого. Есть на планете, однако, и другая сила, которая ведет наступление на Лес, явно намереваясь его уничтожить или полностью преобразовать по неким новым стандартам, то есть осуществить Одержание, суть которого не ясна ни примитивным обитателям Леса, ни специалистам-исследователям из Управления.

Сегодня за этими двумя претендентами на овладение Лесом легко просматриваются два противостоявших друг другу в середине XX века политических блока – социалистический и капиталистический. Исход этого противостояния уже тогда для авторов не

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5 : Улитка на склоне ; Второе нашествие марсиан ; Отель «У погибшего альпиниста» : повести. М. : Текст, 1992. С. 5–185.

подлежал сомнению: забюрократизированная и неэффективная система Управления, где рядовые сотрудники отделены от руководства, а само руководство либо анонимно, либо представлено проходимцами, либо не существует вообще, безусловно обречена на поражение. Однако гораздо интереснее проследить предугаданные более полувека назад тренды второго блока, потому что, победив в «холодной войне», именно он возглавил «техногенную цивилизацию» и с тех пор несет всю ответственность за издержки и последствия ее неограниченного развития. Его цель – формирование нового постчеловеческого вида, представленного исключительно женскими особями; мужчины должны быть уничтожены или превращены в биороботов – так называемых мертвяков. Это и есть Одержание.

Всем процессом заправляет некое скрытое начало – «лиловый туман», активно вступающий в действие в ключевых эпизодах. Один из них – момент самой биологической трансформации, которую наблюдает Кандид – главный персонаж повествования, сотрудник Управления, после произошедшей с ним катастрофы вынужденный жить среди обитателей Леса, разделяя их судьбу. Прочитируем несколько фрагментов.

«За дверь он остановился и оглядел улицу, стараясь унять болезненную нервную дрожь, охватившую вдруг его. Было очень светло, потому что над деревней висело лиловое светящееся небо, все дома выглядели совсем уже плоскими и совсем ненастоящими, а наискосок, на другой стороне улицы, возвышалось длинное диковинное строение, каких в лесу не бывает, и возле него двигались люди. <...> В то же мгновение раздался гораздо более громкий крик, жалкий и дикий, откровенный плач, и почему-то он сразу понял, что кричат именно в этом длинном строении, может быть потому, что больше кричать было негде» [Стругацкий А., Стругацкий Б. 1992, с. 111]. «...Крик оборвался. Кандид увидел, что стоит уже перед самым строением среди этих людей перед квадратной черной дверью, и он попытался понять, что он здесь делает, но не успел, потому что из черной квадратной двери вышли две женщины. <...> Снова раздался громкий плач, все вокруг зашевелились, люди стали обнимать друг друга, прижиматься друг к другу, гладить и ласкать друг друга, глаза их были сухи и губы плотно сжаты, но это плакали и кричали они, потому что, оказывается, это были мужчины и женщины, и мужчины прощались с женщинами навсегда» [Там же, с. 112].

Стругацкие не скупаются на апокалиптические картины, но общий посыл их очевиден и, будучи спроецирован на современность, подводит к выводу: «техногенная цивилизация» обладает потенциалом (или может вообразить себе, будто обладает, что не менее рискованно) для осуществления биологической трансформации нынешнего человеческого вида в новый вид. Если принимать подобную перспективу в качестве осуществимой, то выходит, что потенциал «техногенной цивилизации» должен быть направлен на придание ей «биотехногенного», а затем и чисто «биологического» статуса, при котором человеческая популяция будет сведена на сугубо биологический уровень и станет полностью управляемой со стороны хозяев «лилового тумана», как это смутно осознает Кандид, с помощью доставшегося ему скальпеля отбившийся от мертвяков: «Это было бы страшно, если бы хозяином оказалось лиловое облако. А почему “было бы”? Уже сейчас страшно! Это же напрашивается: лиловый туман здесь везде хозяин, разве я не помню? Да и не туман это вовсе. Так вот в чем дело, вот почему людей загнали, как зверей, в чащи, в болота, утопили в озерах: они были слишком слабы, они не поняли, а если и поняли, то ничего не могли сделать, чтобы помешать...» [Стругацкий А., Стругацкий Б. 1992, с. 127].

Можно ли помешать? Описанная в «Улитке» мрачная перспектива угрожает человечеству в том случае, если «техногенная цивилизация» продолжит развиваться так, как предсказывал Блок, – столь же бесконтрольно направляя человечество по линии *дегуманизации*, тем самым усугубляя трансформацию людей по модели «человека цивилизации». Но в «Крушении гуманизма» Блок обозначил и другую траекторию – «человека культуры». Что по этому поводу могут сказать наиболее развитые теоретико-понятийные формы мышления – наука и философия – в их нынешнем состоянии?

Современность в свете науки и философии: версия Николая Трубникова

Чрезвычайно содержательный ответ дает отечественный философ Николай Николаевич Трубников (1929–1983) в двух цитируемых ниже работах: в первой речь идет о науке, во второй – о философии.

Выводы первой звучат весьма жестко. Трубников пишет: «Мы сейчас оказались свидетелями, участниками и жертвами... величайшего из известных нам чуть ли не со времен падения Римской империи духовного кризиса, охватившего сейчас все современные развитые общества. Причем глубина и острота этого кризиса оказывается прямо пропорциональной мере их развития» [Трубников 1990, с. 292], стимулом которого стала наука – изобретение европейской цивилизации. Ее исключительная ориентация на истину и определенная автономность от всех иных общественных форм долгое время давали основания рассматривать ее как «самую надежную основу для решения наиболее важных проблем человеческого бытия» [Там же, с. 279]. Но, продолжает он, в середине XX века положение изменилось: в силу масштабности тех проблем, к решению которых наука подобрала ключи в сферах физики, химии, биологии, психологии и т. д., она перестала быть выражением чисто исследовательского интереса и оказалась заложником властных инстанций, способных (и склонных) к безнравственной, нечестной игре.

В итоге, резюмирует Трубников, «последняя из надежд человечества, высочайший идеал Просвещения – Наука, которая “все может” и “все сможет”, которая “выручит” и “спасет”, протититуруется до конца и занимается не только косвенной и скрытой, но и прямой и непосредственной массовой разработкой самых бесчеловечных средств научного, научно обоснованного, как говорят сейчас, насилия над телом и духом человека» [Трубников 1990, с. 294]. Излишне утверждать, что в подобном статусе наука не имеет сегодня не только права, но и шансов претендовать на роль лидера культуры.

Столь же отрицательный диагноз Трубников ставит во второй статье и современной философии, которая, будучи разделена по крайней мере на два направления – рационалистическое и иррационалистическое (на позитивизм и метафизику), объективно становится философией науки, подменяя всякое мышление о мире сугубо «научным мышлением», а всякий вообще человеческий интерес – «научным интересом». Она превращается в теорию специальной, частной формы человеческой деятельности, являя пример «некоторого рода извращения сущности философии в условиях, когда она перестала отвечать своему прямому назначению: быть целостной системой человеческого миропознания» [Трубников 1995, с. 165], наглядно демонстрируя «исходную философскую несостоятельность специализирующей себя тем или иным образом общей философии, вскрывает нефилософичность исходного ее основания» [Там же, с. 166].

В общем, согласно Трубникову, современное общетеоретическое мышление никоим образом не способно отклонить «техногенную цивилизацию» от сложившейся траектории, ведущей к пределу, за которым угадываются вполне реальные угрозы естеству человека и культуре в целом. Если же учесть, что с тех пор эта траектория не только не изменилась, но невиданно усилилась, окончательно сосредоточилась на человеке и обрела отчетливый биотехнологический характер (см.: [Веряскина 2023, с. 266]), то следует признать оправданными и даже пророческими как скептический взгляд Трубникова на философию и науку в их современном состоянии, так и предсказания братьев Стругацких о возможных перспективах биологического перерождения человеческого рода.

Человек и культура

Поскольку ни наука, ни философия в их нынешнем состоянии не способны сказать ничего достаточно конкретного относительно путей к воплощению идеи «человека культуры», то становится очевидно, что эта тема требует более детального обсуждения. Необходимо выработать такую теоретическую модель, которая предполагала бы дальнейшее развитие человечества в его биологически сложившемся виде, однако без

утраты положительного содержания, наработанного к сегодняшнему дню и наукой, и философией. Обозначим некоторые соображения по этому поводу.

Несомненно, мы входим в эпоху некоего цивилизационного сдвига; при этом не исключено, что заканчивается период «предыстории» и начинается предсказанный К. Марксом переход в собственно «историю», обладающую совершенно иной, нежели сегодня, социальной и антропологической направленностью. И «если предыстория базировалась на разных способах соединения изначально разделенного процесса, то подлинная история есть процесс общественного производства, изначально объединенный общей осознанной целью» [Сегал 2018, с. 24]. Что это за цель?

На раннем этапе своего творчества Маркс выдвинул идею «единой науки о человеке», в составе которой «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*» [Маркс 1974, с. 124]. Тогда, 150 лет назад, идея Маркса не обрела конкретного воплощения, но сегодня она требует реализации уже в силу самой жизненной необходимости: чтобы не стать жертвой неуправляемого научно-технического прогресса, стихийно развертывающегося по линии *трансгуманизма* в том направлении, которое обозначили братья Стругацкие, в моделируемый теоретический контекст необходимо ввести человека, причем не на уровне деклараций и пожеланий, а рефлексивно отрегулированным и практически реализуемым образом. Для этого в теорию и практику требуется ввести некие антропологически значимые критерии, одним из которых может быть фактор «человекоразмерности» [Петров 2003, с. 7–8], который уже прочно вошел в дискурс отечественной философии (см.: [Belyaev 2020, p. 562]). Такая модель и станет воплощением «единой науки о человеке», с которой, возможно, и начнется «подлинная история».

Намек на подобный теоретический разворот содержится в завершающем эпизоде «Улитки», в котором содержатся указания на возможность иной, оптимистической перспективы дальнейшего развития современной цивилизации. Вот суть этого эпизода.

Кандид, которому удалось спастись от безжалостных «амазонок» и «мертвяков» и вернуться к жителям Леса, размышляет о перспективах борьбы людей с угрожающими им «преобразователями» и в итоге приходит к выводу о необходимости все же идти человеческим *путем*, несмотря на пока неблагоприятное для людей соотношение сил. Пусть люди еще не знают, «что сильные уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов, стенами леса, что всё для них уже предопределено... что помогать им – значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке его фронта. Но только меня это не интересует, подумал Кандид. Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходящего слова» [Стругацкий А., Стругацкий Б. 1992, с. 184]. Значит, надо идти, решает Кандид, доставая из-за пазухи скальпель – оружие против мертвяков.

Заключение

Вывод однозначен: требуется продолжить работу по разработке и воплощению модели эволюционирующего, но сохраняющего себя человечества. Решение этой задачи имеет все шансы стать той целью, достижение которой будет способствовать его объединению и вхождению в «историю» – в период сознательно управляемого развития. В свете подобной перспективы объективно возрастает значение такого компонента культуры, как искусство, поскольку, как было продемонстрировано на примере «Улитки на склоне», этого наиболее философски значимого произведения братьев Стругацких, эвристическо-футурологический потенциал искусства сегодня превосходит проективные возможности науки и философии в их нынешнем состоянии. Осмысление возникающих при этом проблем, безусловно, будет способствовать дальнейшему развитию современного социально-философского и общетеоретического познания.

Список источников

- Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С. А. Комарова. СПб. : Питер, 2008. 238 с.
- Беляев И. А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей : монография. Оренбург : ОГИМ, 2011. 360 с.
- Беньямин В. Бодлер / пер. с нем. С. Ромашко ; примеч. А. Белобратова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 223 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
- Блок А. А. О литературе / вступ. ст. Д. Е. Максимова ; сост. и коммент. Т. Н. Бедняковой. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1989. 478 с.
- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. 3-е изд. М. : Добросвет : КДУ, 2009. 257 с.
- Веряскина В. П. Технологии и образ будущего: системные изменения социальной реальности и человека // Время решающих перемен: «звездный час» науки? / отв. ред. М. И. Фролова. М. : Канон+, 2023. С. 266–285.
- Кутырёв В. А. Бытие или Ничто. СПб. : Алетейя, 2010. 496 с.
- Кутырёв В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб. : Алетейя, 2018. 526 с.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
- Никольский С. А. Живое и мертвое: путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 110–120.
- Петров М. К. Человек и наука // Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1992. С. 191–214.
- Петров М. К. Человекообразность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.
- Петров М. К. Язык, знак, культура. М. : Наука, 1992. 328 с.
- Рыбин В. А. Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект // Человек. 2023. Т. 34, вып. № 4. С. 11–26.
- Сегал А. П. Формирование представлений К. Маркса о внутреннем источнике развития общества // Вестник Московского университета. Сер. 7 : Философия. 2018. № 6. С. 14–26.
- Стёпин В. С. Цивилизационного развития типы // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. М. : Мысль, 2001. Т. 4 : Т–Я. С. 330–332.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5 : Улитка на склоне ; Второе нашествие марсиан ; Отель «У погибшего альпиниста» : повести. М. : Текст, 1992. С. 5–185.
- Стругацкий Б. Комментарии к пройденному / идея и сост. И. Стогова ; отв. ред. П. Крусанов. СПб. : Амфора, 2003. 311 с.
- Трубников Н. Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // Рациональность как предмет философского исследования : сб. ст. / отв. ред. Б. И. Пружинин, В. С. Швырев. М. : ИФРАН, 1995. С. 143–170.
- Трубников Н. Н. Наука и нравственность (О духовном кризисе европейской культуры) // Заблуждающийся разум? : Многообразие вненаучного знания : сборник / отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. М. : Политиздат, 1990. С. 278–295.
- Турчин А. В., Батин М. А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 263 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2019. 285 с.
- Шкарин Д. Л. Трансформация социального субъекта современности: теоретико-методологический аспект : 09.00.11 : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Шкарин Дмитрий Леонидович ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2022. 25 с.
- Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 609 с.

- Belyaev I. A. Human-Sizedness as a Principle of Existence for Literary-Artistic Image // Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019) (19-20 September 2019, Orenburg State University, Russia) / ed. by A. Pavlova. London : European Publisher, 2020. (EpSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, vol. 83). P. 560–567. DOI 10.15405/epsbs.2020.04.02.64.
- Coyne L., Hauskeller M. Hans Jonas, Transhumanism, and What It Means to Live a «Genuine Human Life» // Revue Philosophique de Louvain. 2019. Vol. 117, no. 2. P. 291–310. DOI 10.2143/RPL.117.2.3287388.
- Marcos A. The Dehumanization of Technoscience // A Critical Reflection on Automated Science / ed. by M. Bertolaso, F. Sterpetti. Cham : Springer, 2020. (Human Perspectives in Health Sciences and Technology, vol. 1). P. 269–277. DOI 10.1007/978-3-030-25001-0_13.

Информация об авторе

Юрий Николаевич Фофин, филолог, член Союза писателей России (№ 6981/74), Челябинская областная писательская организация Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (Челябинск, Россия).

Information about the author

Yuri N. Fofin, philologist, member of the Union of Writers of Russia (№ 6981/74), Chelyabinsk Regional Writers' Organization of the All-Russian Public Organization "Union of Writers of Russia" (Chelyabinsk, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 07.10.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 05.12.2024.

Принята к публикации | Accepted 09.12.2024.